

Глава 1

*Хелмсфорд, Англия
Апрель 1878 года*

При переезде через канаву экипаж сильно потрянуло, но он, не останавливаясь, продолжил движение. Кэролайн Лоуренс, пробормотав что-то недостойное настоящей леди, вцепилась в сиденье, чтобы не свалиться на пол. Очевидно, ей достался не лучший возница для поездки от станции до деревни в Эссексе.

— Тпруу! — закричал на лошадей кучер. Экипаж заскрипел, дернулся и остановился.

Кэролайн выглянула в окошко. Под хмурым апрельским небом около каменного амбара собралась толпа, в основном состоявшая из женщин, и к ним с речью о правах женщин обращалась Беатрис Уолкер.

Кэролайн охватило волнение, и она опустила на лицо черную вдовью вуаль. Нельзя, чтобы сплетники донесли отцу о том, что видели ее здесь; он должен был вернуться из Парижа, где находился с дипломатической миссией. Отец не одобрил бы ни ее поездку сюда, ни ее статью в газете *«Лондон Реформер»*, которую она собиралась написать о деятельности Беатрис Уолкер.

«Не одобрил бы» — слабо сказано! Отец терпеть не мог эту прогрессивную газету.

А что бы он сказал, если бы узнал, что его дочь и есть тот самый С. М. Смит — широко известный журналист, пишущий для этой газеты? Она вспомнила слова отца: место женщины — в доме.

Впрочем, это не важно. Ее охватывал неподдельный восторг, когда она видела свои статьи в «Лондон Реформер». Женщины не могли стать членами парламента, поэтому ее статьи предоставляли возможность высказаться тем, кого лишали права голоса. Например — ее матери. Перед смертью мама призналась, что всю жизнь чувствовала свое бессилие (в доме ее считали просто украшением). Хотя Кэролайн неминуемо ждал отцовский гнев, узнай он, кто скрывался под псевдонимом С. М. Смит, мама гордилась бы ею.

Кучер распахнул перед ней дверцу экипажа и улыбнулся беззубым ртом.

— Вы подождете меня? — Кэролайн вышла из экипажа.

— Непременно, мисс.

Она сжала в руке зонтик, подобрала подол скромного черного платья и пошла по грязной дороге в сторону собравшейся толпы.

Мисс Уолкер, высокая крепкая женщина, взобравшись на ящик, обращалась к толпе:

— Сегодня я поговорю с вами о том неравенстве, с которым приходится сталкиваться женщинам.

Какой-то коротышка, стоявший перед Кэролайн, громко выкрикнул:

— Это все полная ерунда!

Кэролайн повернулась к нему и заявила:

— Простите, сэр, но мне хотелось бы ее послушать, если вы не возражаете.

— Слушать этот бред? — прохрипел коротышка.

— Отправляйся домой, старая ведьма! — обращаясь к мисс Уолкер, закричал полный мужчина в помятом коричневом костюме, стоявший в первом ряду.

— Лучше поищи себе мужа! — выкрикнул третий.

За все свои двадцать лет Кэролайн ни разу не видела, чтобы к оратору так относились. Но суффражистка не моргнув глазом продолжала свою речь, не обращая внимания на оскорбления.

И тут коротышка достал из кармана яйцо и размахнулся...

Но Кэролайн мгновенно подняла свой зонтик и ударила грубияна по голове. В результате рука его дрогнула, и брошенное яйцо попало в краснолицевого толстяка в коричневом костюме. Тот грубо выругался — разбитое яйцо испачкало костюм. Мужчина стащил с себя пиджак и швырнул его на землю, после чего накинулся с кулаками на человека, бросившего яйцо.

— Эй, Макалистер, это ж мой лучший пиджак! — завопил он. — Ты должен был кинуть в ту ведьму, а не в меня, придурок!

Некоторые из женщин начали осуждать мужчин, в результате чего разразился скандал, и теперь уже все кричали — и мужчины, и женщины. Коротышка, бросивший яйцо, и толстяк катались по земле в тучах пыли, в то время как Беатрис Уолкер как ни в чем не бывало продолжала говорить.

Маленькая седовласая старушка, которой было, видимо, лет сто, колотила зонтиком всех попадавшихся ей мужчин. Неожиданно со страшным криком она накинулась на человека, стояв-

шего перед Кэролайн. Мужчина увернулся, и край зонтика задел вуаль Кэролайн. Шляпка слетела с головы и полетела, крутясь и кувыркаясь, как раненая птица. Девушка в испуге стала озираться — нет ли поблизости каких-нибудь знакомых. Прикрывая лицо ладонью, она наклонилась, чтобы поднять шляпку, но кто-то снова задел ее, и та откатилась еще на несколько метров.

«О боже!» — мысленно воскликнула девушка. Став на четвереньки, она поползла между ног обезумевшей толпы. Когда же рука ее оказалась совсем близко от цели, чья-то нога наступила на край вуали. Кэролайн подняла глаза и увидела сначала высокие сапоги, а потом — мускулистые бедра, широкую грудь и широченные плечи. Перед ней стоял джентльмен в черных бриджах и сюртуке для верховой езды. Подбоченившись, он с невозмутимым видом глядел на происходившее. Темные глаза, прямой нос и высокие скулы придавали его лицу суровое и отчасти даже свирепое выражение, однако шелковистые черные кудри немного смягчали это впечатление.

— Что здесь происходит? — осведомился суровый джентльмен.

Некоторые женщины замерли, разинув рот. Да и мужчины явно оробели. Кэролайн же выпрямилась и отступила на шаг. И все присутствующие молчали — даже Беатрис Уолкер.

А незнакомец, нахмурившись, подошел к тому месту, где на земле лежал толстяк, на котором сидел коротышка, бросивший яйцо.

— Макалистер, что происходит?

Коротышка тотчас же вскочил на ноги, раскрыл было рот — но не смог произнести ни звука.

— Я жду ответа, — произнес строгий джентльмен.
— Это не моя вина, милорд! — завопил коротышка и ткнул пальцем в сторону Кэролайн. — Это все она!

— Неправда! — ответила девушка.

— Сущая правда! — кричал мужчина. — Это вы стукнули меня зонтиком! Да-да, это вы виноваты!..

Суровый джентльмен приподнял темную бровь и, взглянув на девушку, спросил:

— Вы действительно ударили его зонтом?

Услышав этот низкий голос, Кэролайн почувствовала, что у нее подгибаются ноги. Но она тотчас же сказала себе: «Ты сильная женщина, а сильные женщины не боятся мужчин — даже если у них широкие плечи».

Вскинув подбородок, она заявила:

— Да, это правда. Но я это сделала, потому что он хотел бросить яйцо в мисс Уолкер.

Пронзительный взгляд джентльмена обратился на Макалистера, и тот в отчаянии завопил:

— Милорд, но это было совсем маленькое яичко!

Джентльмен снова нахмурился и подал знак художавому мужчине, стоявшему у него за спиной (тот был в черной униформе констебля).

— Инглс, мне кажется, Макалистеру нужно провести ночь в тюрьме — пусть подумает о своем поведении, — сказал грозный незнакомец, после чего обратился к Кэролайн: — Ваше имя, мадам?

Девушка закусил губу. Конечно, имя ее отца могло бы ей избежать неприятностей здесь, но если родитель все узнает, то придет в ярость и, возможно, отправит ее в монастырь в Оксфордшире (он уже не раз грозился это сделать, ког-

да бывал ею недоволен). И отец больше никогда не станет с ней разговаривать, хотя и сейчас разговаривал крайне редко.

Констебль направился к Кэролайн.

— Сэр, ее тоже арестовать? — спросил он.

«Как арестовать?» — Кэролайн вспыхнула и попятилась. И вдруг, споткнувшись о толстяка, все еще лежавшего на земле, взмахнула руками и, упав на спину, ударилась о землю сначала поясницей, а потом плечами и головой. В ушах у нее зазвенело, а перед глазами заплясали вспышки света и темные пятна.

Незнакомый джентльмен опустился рядом с ней на колени и что-то ей сказал, но Кэролайн не смогла разобрать ни слова. А несколько секунд спустя она погрузилась во тьму — словно упала в черную бездну.

Джеймс Трент, маркиз Хантингтон, уперся локтями в стол и в гневе уставился на доктора Кларка. Неужели этот лекарь действительно хочет, чтобы он оставил пострадавшую у себя в Трент-Холле?!

— А почему вы не желаете забрать ее к себе домой? — осведомился маркиз.

Доктор покраснел, как юная дебютантка, почувствовавшая, что похотливый ухажер полез ей под юбку.

— Милорд, я же холостяк... — пробормотал он.

Джеймс нахмурился. Интересно, что этот лекарь о нем думал? Жена Джеймса умерла два года назад в Лондоне. Доктор Кларк совсем недавно приехал к ним в Хелмсфорд, но местные сплетницы наверняка передали ему злые слухи о смерти Генриет-

ты — считалось, что маркиз сыграл роковую

10 роль в смерти жены.

Доктор же нервно переминался с ноги на ногу, что подтверждало его осведомленность.

— Милорд, с вами вместе живут ваши братья и сестра, а я живу один, — добавил он.

Значит, братья и сестра... В глазах общества наличие в доме родственников смягчало ситуацию, но на самом деле все было совсем не так. Как раз вчера Энтони вернулся из Кембриджа, а уже сегодня отправился в местный паб «Свинья и свистулька» и, вероятно, уже заташил в постель какую-нибудь служанку. И теперь ему, Джеймсу, придется следить за тем, чтобы этот молодой наглец не попытался совратить девушку, оказавшуюся у них в доме.

«Попытался? Проклятье!» Да стоит только его брату посмотреть на эту девушку — у него тут же потекут слюнки. Она ведь очень хороша собой — потрясающие зеленые глаза, красивые чувственные губы и пушистые каштановые волосы с золотистым блеском...

— Сколько времени потребуется для ее выздоровления? — спросил маркиз.

Доктор ненадолго задумался, потом пробормотал:

— Трудно сказать, сэра. Травмы головы дают непредсказуемые последствия. Возможно, потребуется неделя.

«Неделя?!» Это значительно дольше, чем ему хотелось бы.

— Вы узнали, есть ли у нее родственники? Откуда она приехала?

— Когда она пришла в сознание, то спросила только о своей вуали. Мне кажется, она потеряла ее во время драки. Потом сказала, что ей срочно нужно в Лондон, и потребовала отправить ее

туда прямо сегодня. А когда я сказал ей, что ехать никак нельзя, она пришла в ярость. Пришлось дать ей настойку. И теперь она спит. — Доктор поклонился и, не сказав больше ни слова, удалился.

Джеймс тяжело вздохнул и потянулся к финансовому отчету, прибывшему этим утром от его деловых партнеров Саймона Адлера и Хейдена Уэстфилда.

Внезапно дверь отворилась и вошел Джорджи, самый юный и наименее беспокойный из его родственников.

— Ты почему не в классной комнате? — строго спросил Джеймс.

Его восьмилетний брат уселся в кресло рядом со столом и, болтая ногами, сообщил:

— Мистер Харкинс задремал во время урока математики. Он так храпит, что у меня голова разболелась.

Маркиз откинулся на спинку кресла и провел ладонью по подбородку. Харкинс действительно очень постарел и уже не мог учить, но Джеймсу не хотелось отправлять его на пенсию. У старика не было семьи, и без работы он просто пропал бы. Харкинс много лет служил у них в доме и когда-то учил его, Джеймса. Учил он и проказника Энтони, из-за которого начал сесть раньше времени. Нет, старика нельзя было увольнять.

— Какое арифметическое действие вы проходили?

— Умножение на пять. — Джорджи наморщил нос.

Джеймс встал и потрепал мальчика по голове.

— Ладно, хорошо. Беги и принеси тетрадь и карандаш. Будем заниматься вместе.

Через мгновение Джорджи выскочил из комнаты, но дверь тут же открылась вновь, и в кабинет расхлябанной походкой вошел Энтони. Одежда на нем была в беспорядке, и это значило, что с ним что-то произошло. Этому распутнику очень повезет, если до достижения совершеннолетия он не подцепит французскую болезнь — или если его не сразит пуля какого-нибудь разъяренного мужа.

Энтони шлепнулся в кожаное кресло, в котором только что сидел Джорджи, и проговорил:

— Джеймс, слышал бы ты, какую чушь говорят о тебе в «Свинье и свистульке»!..

Маркиз промолчал. И начал массировать затылок. Что ж, можно было представить, какие о нем ходили сплетни...

— Говорят, когда выступала суфражистка Беатрис Уолкер, ты пришел в такую ярость, что толкнул какую-то девицу и сбил ее с ног, — продолжал Энтони. — Возмутительно, верно? Представляешь, о чем шепчутся обитатели этой глуши?!

«Значит, толкнул?» Выходит, именно его, Джеймса, обвиняли в совершении этого безобразного поступка? А он-то просто хотел навести порядок, поскольку Беатрис Уолкер заслуживает цивилизованного отношения. Но, как всегда, о нем распространяли злобные сплетни.

Дверь снова отворилась, и в комнату впорхнула его сестра Нина. Ее щеки горели.

— Что это за женщина спит на кушетке в голубой гостиной? — спросила она. — И почему мне не сказали, что у нас доктор Кларк? — Нина тронула висок. — Ох, чувствую, у меня начинается головная боль. Пусть он меня осмотрит.

Джеймс скрипнул зубами. Его очень беспокоил постоянный интерес Нины к доктору — и вообще ко всем мужчинам. Год назад Джеймс уехал из Лондона в свое поместье не только для того, чтобы проследить за установкой системы водоснабжения, но и затем, чтобы присматривать за своей легкомысленной сестрой.

Глаза Энтони округлились, он вскочил и воскликнул:

— Женщина?! Боже мой, Джеймс, неужели то, о чем говорят, правда?!

— Успокойся, Энтони! Ты же знаешь, я никогда не обижу женщину.

Младший брат покраснел.

— Извини... — пробормотал он. — Не знаю, отчего это мне пришла в голову такая чушь.

Джеймс тяжело вздохнул.

— Ну, идите-ка и вы по своим делам. Мне надо работать.

— И все-таки... Кто она, эта женщина? — спросила Нина.

Маркиз встал, обнял сестру и подтолкнул ее к выходу, указав и Энтони в сторону двери.

— Видимо, теперь она будет нашей гостьей. Скажите Лэнгли, чтобы кто-нибудь из лакеев отнес ее в спальню рядом с моей. — Джеймс решил, что таким образом он помешает Энтони наведываться к девушке.

Маркиз уже выпроводил родственников за порог, когда те в один голос воскликнули:

— В спальню рядом с твоей?!

— Да! — ответил Джеймс и закрыл за ними

Глава 2

Кэролайн открыла глаза и тут же села на огромной кровати под балдахином. Перед глазами все поплыло. Она обхватила голову руками, чтобы остановить кружение. Когда в голове все успокоилось, Кэролайн осмотрелась. Лампа, стоявшая высоко на каминной доске, отбрасывала слабый свет на элегантную мебель красного дерева и на сиреневого цвета постельное белье. Около камина стоял обитый шелком стул, на котором лежали ее платье, нижние юбки, корсет и чулки.

Опустив глаза, девушка окинула себя взглядом. На ней были только панталоны и нижняя рубашка. Щеки ее вспыхнули. Кто снял с нее одежду? Она могла вспомнить только широкоплечего джентльмена с неодобрительной усмешкой на лице. Неужели это он ее раздел? Такая мысль заставила покраснеть до корней волос.

Где-то в доме пробили часы. Два часа ночи! Ах, ей нужно немедленно вернуться домой! Миссис Рот будет ужасно беспокоиться. Их домоправительница была единственным человеком в доме отца, знавшим, что Кэролайн отправилась в Хелмсфорд, чтобы послушать Беатрис Уолкер. Но даже она не знала, что журналист С. М. Смит — это и есть Кэролайн. Ее секрет не знал никто. А если Анна и Чарлз, ее компаньоны в этом сезоне, приедут в Лондон и узнают, что она исчезла, то они могут заявить об этом в Скотленд-Ярд или, что еще хуже, сообщат отцу в Париж.

Внезапно тишину нарушил чей-то храп. Кэролайн прижала стеганое одеяло к груди